

С. В. ТРОИЦКІЙ,
проф. Университета

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ
РУССКОЙ ЦЕРКВИ
ВЪ ЮГОСЛАВИИ**

БЪЛГРАДЪ
1940.

Отдѣльный оттискъ изъ Записокъ Русскаго Научнаго Института
въ Бѣлградѣ.
Выпускъ 17.

С. В. Троицкій.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ЮГОСЛАВИИ *).

Каковымъ должно бы быть положеніе Русской церкви въ Югославіи по государственнымъ законамъ, каково оно на самомъ дѣлѣ и что нужно сдѣлать, чтобы дѣйствительность отвѣчала нормѣ, — вотъ три вопроса, разрѣшить которые пытается эта статья.

1. Вопросъ о нормативномъ положеніи Русской церкви въ Югославіи можетъ быть рѣшенъ лишь въ связи съ болѣе общимъ вопросомъ о положеніи здѣсь религіозныхъ организацій. Директивы въ этомъ отношеніи даютъ: государственный конституціи — такъ называемые Видовданскій Уставъ 1921 года и Сентябрьскій Уставъ 1931 г., а примѣняюгь эти директивы законы объ отдѣльныхъ религіозныхъ организаціяхъ. Такъ какъ въ данномъ вопросѣ между этими конституціями существенной разницы нѣтъ, то мы будемъ говорить лишь о послѣдней, дѣйствующей и теперь, конституціи.

Дѣйствующая Югославянская конституція санкціонируетъ ту систему отношеній между государствомъ и религіозными организаціями, которая называется въ наукѣ системой государственнаго верховенства надъ религіозными организаціями (Kirchenhoheit) и которая послѣдовательно проведена въ германской Веймарской конституціи отъ 11, VIII, 1919 г. Въ основѣ этой системы лежатъ три теоретическихкихъ положенія относительно религіозныхъ организацій, находящихся на государственной территории: 1) онѣ имѣютъ особую, отличную отъ государства природу; 2) онѣ

*) Статья эта съ нѣкоторыми измѣненіями напечатана на сербскомъ языкѣ въ журналѣ „Архив за правне и друштвене науке“ кн. XXXIX (LVI), св. 1—2, стр. 25—47, 1939. Въ виду особаго значенія обсуждаемаго вопроса для русскихъ за рубежомъ, Редакціонная Комиссія постановила: въ извѣтіе изъ существующихъ правилъ помѣстить русскій текстъ въ „Запискахъ Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ“.

являются этической и культурной цѣнностью и 3) онѣ, какъ и всѣ остальные организациі на государственной территоріи, подчинены государственному суверенитету.

Исходя изъ признанія особой природы религиозныхъ организаций, государство считаетъ, что рѣшеніе вопроса о истинности религиознаго ученія или сравнительномъ достоинствѣ той или иной религіи стоитъ внѣ его компетенціи, и что оно не можетъ вмѣшиваться *in sacra*, во внутреннюю жизнь этихъ организаций, и потому даетъ отдѣльнымъ лицамъ свободу вѣры и совѣсти, а религиознымъ организациямъ — равноправіе и автономію.

Исходя изъ признанія полезности этихъ организаций для общества и самого государства, государство въ правовой сферѣ даетъ имъ публично-правовое положеніе, а въ сферѣ экономической признаетъ за ними права юридического лица и даетъ имущественныя привилегіи и матеріальную помощь.

Но, давая эти права религиознымъ организациямъ, государство, во имя своего суверенитета, ограничиваетъ ихъ, когда это диктуется государственными интересами.

Все это мы находимъ въ югославянскомъ законодательствѣ. „Обезпечивается свобода вѣры“, гласитъ Конституція, однако добавляетъ: „никто не можетъ освободиться отъ своихъ гражданскихъ и военныхъ обязанностей, ссылаясь на предписанія своей вѣры“, а законы возлагаютъ гражданскія и нѣкоторыя военныя обязанности даже и на слушателей культа.

„Обезпечивается свобода совѣсти“ и „никто не принуждается къ участию въ религиозныхъ актахъ, торжествахъ и упражненіяхъ“, но „кромя государственныхъ праздниковъ и торжествъ и насколько это требуетъ законъ отъ лицъ подчиненныхъ родительской, опекунской и военной власти“, гласитъ Конституція, а законы обязываютъ воспитывать дѣтей въ вѣрѣ родителей, ограничиваютъ право перехода молчаливыхъ изъ одной вѣры въ другую и т. д.

„Вѣроисповѣданія равноправны передъ закономъ“, провозглашаетъ Конституція, но такъ какъ могутъ существовать и такія вѣроисповѣданія, чье ученіе можетъ быть опасно для общественнаго порядка, то Конституція не говоритъ о равноправіи всѣхъ вообще вѣроисповѣданій, но только усвоенныхъ, т. е. признанныхъ государствомъ до 1921 г., съ которыми уравниваетъ и вѣроисповѣданія, признанныя закономъ послѣ этой даты. Но если существуютъ признанныя вѣроисповѣданія, то существуютъ вѣроисповѣданія и непризнанныя. Равноправны лишь признанныя вѣроисповѣданія и только имъ даются обезпеченныя Конституціей автономія, публично-правовое положеніе и право на

помощь отъ государства, тогда какъ непризнанныя вѣроисповѣданія этихъ правъ не имѣютъ. Но и права признанныхъ исповѣданій ограничены государствомъ.

Ограничена, прежде всего, ихъ автономія, такъ какъ, по Конституціи, хотя они и „самостоятельно регулируютъ свои внутреннія религіозныя дѣла и управляютъ своимъ имуществомъ“, но „въ границахъ закона“, а эти государственные законы регулируютъ основное устройство религіозныхъ организацій, подчиняютъ ихъ государственному формальному надзору, допускаютъ нѣкоторое вмѣшательство государственной власти въ назначеніе высшихъ служителей культа, вводятъ начало *nullum crimen nulla poena sine lege* въ церковное судопроизводство и т. д.

Ограничена и внѣшняя автономія вѣроисповѣданій. Они „могутъ сносятся со своими верховными главами и внѣ государственныхъ границъ“, но только „насколько этого требуютъ ихъ духовныя предписанія“ и при томъ „способъ, коимъ будутъ поддерживаться эти связи, будетъ опредѣленъ закономъ“ (чл. 11, п. 5).

Конституція даетъ религіознымъ организаціямъ значеніе корпорацій публичнаго права, а законы детализируютъ это положеніе въ области богослуженія, ученія, администраціи и суда, но и здѣсь, какъ Конституція, такъ и законы, вводятъ извѣстныя ограниченія. Публичныя права въ области богослуженія ограничены конституціоннымъ запрещеніемъ „употреблять духовную власть при богослуженіи или въ изданіяхъ религіознаго характера и въ другихъ случаяхъ при исполненіи служебныхъ обязанностей для партійныхъ цѣлей“, запрещеніемъ политической агитаціи при богослуженіи и при религіозныхъ собраніяхъ, и организаціи религіозныхъ обществъ въ цѣляхъ политики и физическаго воспитанія (чл. 11, п. 7 и 8 и чл. 13).

Публичныя права въ области ученія ограничены конституціонной директивой относительно общаго направленія школьнаго обученія — въ духъ морали, патріотизма, народнаго единства, религіозной терпимости, а также относительно государственнаго надзора (чл. 16, п. 3 и 4), а законы детально разграничиваютъ права религіозной и свѣтской власти въ области богословскаго образованія и преподаванія закона Божія.

Въ области администраціи и суда религіозныя организаціи пользуются широкими правами публичнаго характера. Ихъ служащіе пользуются привилегіями и судебной защитой, присвоенными служащимъ государственнымъ, ихъ административнымъ и судебнымъ учрежденія могутъ пользоваться *brachio saeculari*, т. е. силой государственныхъ и автономныхъ исполнительныхъ органовъ для принудитель-

наго выполненія своихъ постановленій, но опять таки, когда постановленія эти согласны съ государственными законами.

Въ области брачнаго права Конституція (чл. 21) беретъ бракъ, семью и дѣтей подъ защиту государства, но такъ какъ *protectio non involvit subiectionem*, то признанныя организациі пользуются въ области брачнаго права широкой свободой не только въ дѣлѣ заключенія и расторженія браковъ, но и самого брачнаго законодательства.

Наконецъ, Конституція, не ограничивая частныя имущественныя права признанныхъ организаций, вмѣстѣ съ тѣмъ предвидитъ возможность оказанія имъ матеріальной помощи по государственному бюджету и требуетъ справедливаго распредѣленія этой помощи „сообразно числу ихъ вѣрующихъ и ихъ фактически доказаннымъ нуждамъ“ (чл. 11, п. 6), а законы дополняютъ эту директиву конкретными положеніями относительно матеріальной помощи отъ государства и автономныхъ установленій отдѣльнымъ религиознымъ организациямъ, и предоставленіемъ имъ права принудительнаго обложенія своихъ вѣрующихъ налогами и таксами, въ большинствѣ случаевъ подъ условіемъ одобренія государственной власти.

Такова въ общихъ чертахъ система отношеній между государствомъ и вѣроисповѣдными организациями въ Югославіи.

Какое же положеніе должна бы занять Русская православная церковь въ этой системѣ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ диктуется конституціонными директивами, съ одной стороны, относительно дѣленія религиозныхъ организаций на признанныя и непризнанныя, а съ другой, относительно равноправности организаций признанныхъ. Такъ какъ, по Конституціи, существующія въ Югославіи религиозныя организациі могутъ быть или признанными или непризнанными и *tertium non datur*, то, очевидно, этой альтернативы не должна бы была избѣжать и Русская церковь. Если бы она была причислена къ организациямъ непризнаннымъ, вопросъ о какихъ бы то ни было ея правахъ и привилегіяхъ въ государствѣ отпалъ бы и она бы сошла на положеніе обычнаго частнаго общества. Но если бы она была причислена къ организациямъ признаннымъ, она, въ силу конституціонной директивы о равноправности признанныхъ организаций, должна была бы получить всѣ перечисленныя выше права и привилегіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, подвергнуться и упомянутымъ ограниченіямъ.

Вопросъ о томъ, къ какому разряду слѣдуетъ причислить данную организацию не есть вопросъ права, а есть вопросъ внутренней политики и рѣшается онъ государственной властью не на основаніи общихъ теоретическихъ сообра-

женій, а на основаніи фактическихъ данныхъ относительно ученія и вообще характера извѣстной организаціи. Если государственная власть считаетъ, что извѣстная религіозная организація по своему устройству и ученю является полезной для государства и общества этической и культурной силой, она должна причислить ее къ признаннымъ организаціямъ и дать ей соотвѣтствующее правовое положеніе, а если не считаетъ — должна оставить ее на положеніи организацій непризнанныхъ.

Въ отношеніи Русской церкви вопросъ этотъ, казалось бы, долженъ считаться рѣшеннымъ въ пользу ея признанія уже тѣмъ фактомъ, что она есть вѣтвь той же единой Православной церкви, къ которой принадлежитъ и церковь Сербская, и имѣетъ тождественное съ ней догматическое и этическое ученіе и аналогичное устройство. Такъ какъ Сербская церковь уже признана государствомъ, то должна быть признана имъ и церковь Русская. Особенности Русской церкви въ Югославіи, отличающія ее отъ церкви Сербской, а именно а) ея зависимость отъ иностранной власти, б) ея личный составъ и в) ея малочисленность, не таковы, чтобы онѣ препятствовали ея признанію, ибо онѣ не стоятъ въ противорѣчій съ директивами государственной Конституціи и находятъ для себя аналогію въ другихъ признанныхъ организаціяхъ. Наконецъ г) не можетъ служить препятствіемъ для такого признанія ни то обстоятельство, что въ Югославіи уже существуетъ другая признанная государствомъ православная церковь, — Сербская патриархія.

а) Тогда какъ Сербская церковь имѣетъ свою центральную власть въ самой Югославіи, Русская церковь *de jure* подчинена центральной власти въ Москвѣ. Но югославянская Конституція, какъ мы видѣли, не только допускаетъ зависимость религіозныхъ организацій отъ ихъ главъ за границей, но и содержитъ предписанія относительно способа сношеній съ ними. А кромѣ того въ аналогичномъ положеніи съ Русской церковью находится и признанная государствомъ церковь Римо-католическая. Новеллированный текстъ югославянскаго Закона о исламской религіозной организаціи отъ 25, III, 1936 (Служб. Нов., № 74—XVI, стр. 254—258, § 4, ст. 3) въ принципѣ признаетъ возможность зависимости мусульманъ въ Югославіи отъ проживающаго за границей Халифа, въ случаѣ возстановленія Халифата. Конвенція, заключенная между Сербской и Румынской церковью въ 1933 году (постановленіе Сербскаго архіерейскаго собора отъ 18, V, 1933, № 3/54) допускаетъ зависимость румынскаго викаріата въ Банатѣ отъ центральной власти Румынской церкви.

б) Не можетъ служить препятствіемъ къ признанію Рус-

ской церкви въ Югославіи ни то обстоятельство, что, тогда какъ Сербская церковь въ громадномъ большинствѣ состоитъ изъ югославянскихъ подданныхъ, Русская церковь въ Югославіи въ большинствѣ состоитъ изъ лицъ, не имѣющихъ никакого подданства. Ни югославянская Конституція, ни законы объ отдѣльныхъ исповѣданіяхъ не требуютъ, чтобы они состояли изъ лицъ, имѣющихъ югославянское подданство, а фактически и другія признанныя организаціи, напр. лютеранская нѣмецкая и особенно лютеранская словацкая¹⁾ и реформатская церкви въ Югославіи включаютъ въ себя много лицъ, югославянскаго подданства не имѣющихъ. Законы объ отдѣльныхъ религіозныхъ организаціяхъ требуютъ подданства лишь отъ служителей культа и лицъ, выполняющихъ общественныя функціи. Напр., по Уставу Сербской церкви, должны быть югославянскими подданными епископы (чл. 97, „в“) и члены совѣта церковныхъ общинъ (чл. 177, 3). Однако и здѣсь допускаются исключенія. Нѣкоторые епископы Сербской церкви, управляющіе ея заграничными епархіями, югославянскаго подданства не имѣютъ. Могутъ не имѣть его и временные приходскіе священники. „Законъ о евангелическо-христіанскихъ церквяхъ и реформатской христіанской церкви Королевства Югославіи“ отъ 16, IV, 1930 („Служб. Нов.“, № 95—XXXVII) говоритъ: „Служебное церковное званіе въ церковно-автономной службѣ, по доказанной потребности, и только временно, могутъ получить и лица иностраннаго подданства по предварительному полученному одобренью Министра юстиціи“. Подобное разрѣшеніе есть и въ „Законѣ о еврейской религіозной организаціи въ Королевствѣ Югославіи“ отъ 14, XII, 1929, („Сл. Н.“ № 301—CXXVII, § 18). Наконецъ, „Законъ о Исламской религіозной организаціи“ отъ 31, I, 1930 („Сл. Н.“ № 29—X), вообще ничего не говоритъ о подданствѣ служителей культа. Такимъ образомъ вполне возможно дозволеніе и Русской церкви, въ случаѣ ея признанія, имѣть священнослужителей безъ югославянскаго подданства, хотя бы и временно. Кромѣ того не нужно упускать изъ вида и то обстоятельство, что число русскихъ, проживающихъ въ Югославіи и не имѣющихъ югославянскаго подданства, съ каждымъ годомъ уменьшается.

в) Не можетъ служить препятствіемъ къ признанію Русской церкви въ Югославіи и ея малочисленность. Въ этомъ отношеніи она аналогична протестантскимъ и еврейскимъ

¹⁾ По официальной статистикѣ отъ 1, III, 1931 года въ Югославіи было 38,423 лица чехо-словацкаго подданства, а всего иностранныхъ подданныхъ 140,766, въ томъ числѣ русскаго подданства 26,790 (Статистички Годишњак, 1931, Београд, 1934, стр. 53).

организациямъ, которыя, не смотря на свою малочисленность, уже давно признаны государствомъ, а старо-католическая церковь, которая также признана, гораздо малочисленнѣе церкви Русской. По официальной статистикѣ отъ 31, III, 1931 г. въ Югославіи лютеранъ, раздѣленныхъ на двѣ церкви — 175,279 (нѣмецкая — 113,218; словацкая — 62,061), реформатовъ — 55,890, евреевъ — 68,405 ¹⁾, старо-католиковъ — 7,273, а число православныхъ русскихъ нужно опредѣлить во всякомъ случаѣ около 30,000, т. е. вчетверо больше, чѣмъ старокатоликовъ. По официальной статистикѣ 31, III, 1931 г. въ Югославіи только русскихъ, не имѣющихъ югославянскаго подданства, было 26,790 ²⁾.

Сравнительная малочисленность Русской церкви въ Югославіи не только не служитъ препятствіемъ для ея признанія, но даже до нѣкоторой степени обязываетъ государственную власть къ такому признанію. Какъ организациа религиознаго меньшинства, она, во всякомъ случаѣ, въ той своей части, которая получила югославянское подданство, подпадаетъ подъ защиту не только конституціоннаго и государственнаго, но и международнаго права и прежде всего, подъ защиту включеннаго въ Санъ-Жерменскій договоръ договора о меньшинствахъ отъ 10, IX, 1919 г., большинство положеній котораго (чл. 2—8) Югославія обязалась признавать какъ свой основной законъ, такъ что „никакой законъ, никакой статутъ, никакой официалльный актъ не можетъ быть въ противорѣчій или несогласіи съ этими положеніями“ (чл. 1). А по этому договору Югославія обязана допустить свободное какъ частное, такъ и публичное выполненіе всякой вѣры, религіи или вѣрованія, чье исповѣданіе не будетъ въ противорѣчій съ общественнымъ порядкомъ и моралью (чл. 2), дать всѣмъ членамъ таковыхъ исповѣданій равноправіе передъ закономъ, дать тѣ же гражданскія и политическія права, въ особенности относительно приѣма на общественную службу, на должности и почести или относительно разныхъ занятій и индустріи, какъ и остальнымъ гражданамъ (чл. 7), право основывать на свои средства, управлять и контролировать благотворительныя, религиозныя и социальныя учрежденія, школы и другія воспитательныя установленія съ правомъ свободно употреблять здѣсь свой языкъ и свободно исповѣдывать свою вѣру (чл. 3). Наконецъ, Югославія обязалась (въ территоріи Сербіи до 1, I, 1913 года) „въ городахъ и округахъ (districts), населенныхъ членами... религиозныхъ меньшинствъ, обезпечить

¹⁾ При чемъ евреи подѣлены на три „обряда“, въ сущности секты — ешкенашскій — 39,010, сефардскій — 26,168 и ортодоксальный — 3,227.

²⁾ Статистички Годишњак, 1931, Београд, 1934, стр. 52.

этимъ меньшинствамъ справедливое участіе въ пользованіи и раздѣлѣ тѣхъ суммъ, которыя бы изъ общественныхъ фондовъ были ассигнованы государственными, общинскими или другимъ бюджетами, на воспитательныя, религіозныя и благотворительныя цѣли“ (чл. 9). Всѣ эти обязательства по самому уговору являются обязательствами международного значенія и поставлены подъ гарантію Лиги Націй. Они не могутъ измѣняться безъ согласія большинства Совѣта Лиги Націй и всякое государство, входящее въ Лигу Націй, „имѣетъ право обратить вниманіе ея Совѣта на какое либо нарушеніе или опасность нарушенія какого-либо изъ этихъ обязательствъ и Совѣтъ можетъ предпринять мѣры и дать указанія, которыя будутъ признаны цѣлесообразными и дѣйствительными въ данныхъ условіяхъ“ (чл. 11).

Такимъ образомъ, Санъ-Жерменскій договоръ даетъ Русской церкви, какъ религіозному меньшинству, права, которыя югославянская Конституція обеспечиваетъ только признаннымъ религіознымъ организаціямъ, и этимъ обязываетъ государственную власть причислить ее къ таковымъ организаціямъ.

Существуетъ и другой актъ международного характера, говорящій спеціально о русскихъ бѣженцахъ и толкающій югославянскую власть въ томъ же направленіи. 31, I, 1928 г. Высокій Комиссаръ Лиги Націй для бѣженцевъ Нансенъ обратился съ письмомъ къ правительствамъ ряда государствъ съ вопросами относительно правового положенія проживающихъ въ нихъ русскихъ и армянскихъ бѣженцевъ. Въ приложенномъ къ этому письму опросномъ листѣ значитъ и слѣдующій вопросъ:

„Правомочны ли мѣстные суды въ бракоразводныхъ дѣлахъ бѣженцевъ, и если да, какой примѣняется законъ? Каковы формальности, которыя должны выполнить бѣженецъ или бѣженка, что бы возбудить бракоразводное дѣло противъ супруга, сохранившаго совѣтское гражданство и коега адресъ неизвѣстенъ?“

Югославянское правительство отвѣтило:

„Для русскихъ бѣженцевъ компетентны русскіе духовные суды, для смѣшанныхъ русско-сербскихъ браковъ — сербскіе суды. Бракоразводный процессъ противъ супруга, проживающаго въ Россіи, ведется русскими духовными судами и супругъ, находящійся въ Россіи, оповѣщается путемъ публикаціи“.

Въ „Постановленіи и соглашеніи отъ 30, VI, 1928 г. междуправительственной конференціи въ Женевѣ по вопросу о юридическомъ положеніи бѣженцевъ“, на которой участвовалъ и представитель Югославіи (г. Фотичъ), читаемъ:

„...2. Рекомендуется, чтобы личный статусъ русскихъ и ар-

мянскихъ бѣженцевъ въ странахъ, гдѣ ихъ старый законъ больше не признается, былъ урегулированъ или закономъ ихъ мѣстожителства, или закономъ ихъ постоянного мѣстопробыванія, или, при отсутствіи такового, закономъ ихъ мѣстопробыванія. Эта рекомендація ни въ какомъ отношеніи не посягаетъ на дѣйствительность актовъ, касающихся личнаго статуса, религіозныхъ властей, отъ которыхъ зависятъ русскіе и армянскіе бѣженцы въ странахъ, гдѣ эти власти признаны...¹⁾

И представитель Югославіи на Женевской конференціи г. Фотичъ заявилъ 16, VI, 1928, что въ этомъ государствѣ „для браковъ русскихъ бѣженцевъ компетентны русскіе церковные суды“²⁾.

Но если непризнание извѣстной организаціи государствомъ влечетъ за собой непризнание и всѣхъ ея актовъ, то, наоборотъ, признание хотя нѣкоторыхъ актовъ извѣстной организаціи предполагаетъ признание и самой организаціи, ибо нелегальное учрежденіе не можетъ издавать легальные акты. Отсюда слѣдуетъ, что констатированная на Женевской конференціи законность приговоровъ судовъ Русской церкви въ Югославіи требуетъ признанія закономъ и самой этой церкви.

г) Но если съ точки зрѣнія конституціоннаго, государственнаго и международнаго права необходимость признанія Русской церкви въ Югославіи не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній, то съ точки зрѣнія права церковнаго самая возможность такового признанія является, повидимому, спорной.

Дѣло въ томъ, что Русское церковное управленіе переселилось въ 1921 году въ государство, гдѣ уже была другая православная — Сербская — церковь. Возможность и каноническая законмѣрность существованія нѣсколькихъ самостоятельныхъ православныхъ церквей въ одномъ государствѣ не возбуждаетъ ни малѣйшихъ сомнѣній. Достаточно упомянуть о томъ фактѣ, что въ Византіи, въ эпоху дѣйствія высшаго авторитета Православной церкви — вселенскихъ соборовъ, число автокефальныхъ церквей никогда не было

¹⁾ См. брошюру: „Société des nations. Haut Commissariat pour les réfugiés. Documents préparatoires et procès verbaux de la conférence intergouvernementale pour le statut juridique des réfugiés“, p. 192: „Il est recommandé, que le statut personnel des réfugiés Russes et Arméniens soit régi dans le pays ou leur ancienne loi n'est plus reconnue, soit par la loi de leur domicile ou de leur résidence habituelle, soit, a défaut, par la loi de leur résidence. Cette recommandation ne porte aucune atteinte a la validite en matière de statut personnel des actes des autorités religieuses dont relevent des réfugiés Russes et Arméniens dans les pays où la compétence de ces autorités est reconnue“.

²⁾ Op. cit. p. 89: „Pour les réfugiés Russes sont compétents les tribunaux ecclésiastiques russes“.

менѣе пяти, при чемъ почти всѣ онѣ имѣли тотъ же греческій языкъ богослуженія. И вселенскіе соборы не только не видѣли въ этомъ чего то неправильнаго, но, наоборотъ, своими канонами защищали ихъ самостоятельность. Таково напр. 2 правило II Вселенскаго собора, запрещающее епископамъ одного діоцеза простирать свою власть за границы своего діоцеза, 8 правило III Вселенскаго собора, отстаивающее самостоятельность Кипрской церкви отъ посягательствъ церкви Антиохійской и санкционирующее общее запрещеніе такихъ посягательствъ, и т. д. Въ новое время въ Австро-Венгрии до 1919 г. существовали три православныхъ церкви. Нѣсколько православныхъ церквей существовало въ Турціи.

Однако вопросъ о Русской церкви въ Югославіи этимъ еще не рѣшается. Вѣдь автокефальныя церкви въ Византіи, Турціи и Австро-Венгрии существовали хотя и въ одномъ государствѣ, но не на одной территоріи. Государственная территорія была подѣлена между ними и каждая изъ нихъ имѣла свою территорію.

Между тѣмъ, когда Русское церковное управленіе поселилось въ Югославіи, вся государственная территорія уже была подѣлена между епархіями Сербской церкви, и потому признаніе Русской церкви государствомъ, повидимому, явилось бы посягательствомъ на территоріальныя права церкви Сербской, какъ со стороны государства, такъ и со стороны самой Русской церкви, которая въ такомъ случаѣ стала бы въ противорѣчіе съ канонами. Такое воззрѣніе, высказанное, напр. нѣкоторыми греческими иерархами, какъ разъ по поводу Русской церкви, является однако не только поверхностнымъ, но и догматически неправильнымъ. Въ основѣ его лежитъ игнорированіе особой природы церкви и смѣшеніе ея съ государствомъ. Территорія составляетъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ государства, но не церкви. Земная церковь пребываетъ на извѣстной территоріи, но не связана съ нею. „Царство Мое не отъ міра сего“, „Царство Мое не отсюда“, говоритъ Основатель и Глава церкви Христосъ представителю Римской державы — Пилату (Іо. 18, 36). „Не имѣемъ здѣсь постояннаго града, учить апостоль Павелъ, но ищемъ будущаго“ (Евр. 13, 14). На землѣ члены Церкви, по выраженію апостола Павла, кстати сказать прекраснаго юриста, „странники“ ξένοι — т. е. иностранцы и „пришельцы“ παρεπίδητοι т. е. лица, не имѣющія постояннаго мѣстожителства, не связанныя съ территоріей (Евр. 11, 13; ср. Еф. 2, 19). Пришельцами называетъ христіанъ и апостоль Петръ (I Петра 1, 1; 2, 11). Обычное названіе древнихъ христіанъ — *παροικοι* (Дѣян. 7, 6; Еф. 2, 19; I Петра 2, 11), т. е. оцять таки иностранцы, не имѣющіе права жительства, а управляемая епископомъ организація христіанъ или епархія

называется — „παροικία“ (I Петра 1, 17; Ириней Лионскій — Migne VII, 1229 В и др.), т. е. собственно поселение иностранцевъ. Отсюда и сербское слово — парохія. Христосъ заповѣдуетъ апостоламъ учить „народы“ (Матѳ. 28, 19), и, согласно этому, разграниченіе апостольской проповѣди имѣло національный, а не территоріальный характеръ, почему апостоль Петръ въ древнихъ памятникахъ называется апостоломъ іудеевъ, ап. Павелъ — язычниковъ — грековъ, апостоль Ѳома — индійцевъ и т. д. Въ Римской церкви долгое время существовалъ особый епископъ для колонистовъ-грековъ, каковымъ былъ, напр., св. Ипполитъ Римскій. Древнѣйшій канонъ православной церкви, являющійся основой всего ея устройства, канонъ, формулированный еще до признанія церкви государствомъ — 34 апостольское правило, не знаетъ территоріальнаго дѣленія церкви, а лишь персональное, національное и дѣленіе территоріальное явилось позднѣе подъ вліяніемъ связи съ государствомъ. Поэтому, тогда какъ для государства территоріальный принципъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ персональный, такъ что государственной власти подчинены всѣ лица, проживающія на территоріи государства, не исключая и иностранныхъ подданныхъ, для церкви персональный принципъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ территоріальный, и церковной власти подчинены не всѣ проживающія на извѣстной территоріи лица, но лишь тѣ, которыя принадлежатъ церкви, тогда какъ остальные разсматриваются какъ находящіяся внѣ ея (I Кор. 5, 12—13; Римл. 2, 12; 13, 19 и др.). Территоріальное дѣленіе церкви не имѣетъ для себя какого-либо принципіальнаго догматическаго основанія, а вызвано лишь мотивами практическаго характера, — напр. мотивомъ удобства церковнаго управленія, мотивомъ предотвращенія покушеній на чужую юрисдикцію и т. д. Вслѣдствіе этихъ мотивовъ территоріальное дѣленіе, исключющее возможность дѣйствія двухъ юрисдикцій на одной территоріи, существуетъ въ церкви, какъ общій порядокъ. Однако, каноны, закрѣпляющіе посягательство на этотъ порядокъ по личнымъ невысокимъ мотивамъ, вовсе не догматизируютъ его, и порядокъ этотъ, вызванный практическими мотивами, нарушается всякій разъ, какъ являются для того спеціальныя уважительныя мотивы. Такимъ нарушеніемъ являются, напр., и теперь устройство діаспоры и миссій, гдѣ нѣсколько православныхъ церквей проявляютъ свою юрисдикцію на той же территоріи. Такимъ нарушеніемъ являются подворья или метохы одной церкви на территоріи другой, устройство военнаго духовенства, устройство единоувѣрцевъ въ Россіи и т. д. Въ Византіи существовали многочисленныя такъ называемыя автокефальныя епископіи, изъятыя изъ подъ власти мѣстнаго митро-

полита и подчиненная непосредственно патриарху¹⁾. Когда Кипрская церковь вследствие нападения сарацинъ вынуждена была переселиться на территорию церкви Константинопольской, она и здѣсь сохранила свою независимость и даже получила свою территорию, что одобрилъ Трулльскій Вселенскій соборъ своими 37 и 39 правилами.

И въ Сербской церкви существовали нарушенія территориальнаго начала, какъ до, такъ и послѣ переселенія на ея территорию части церкви Русской. Такими нарушениями являются, напр., Сербское подворье въ Москвѣ, Сербскій Скадрскій викариатъ на территории Албанской церкви, румынскія церковныя общины и предположенный викариатъ въ сербскомъ Банатѣ, сербскія церковныя общины и предположенный викариатъ на территории церкви Румынской, сербскія церковныя общины на территории церкви Цариградской, подчиненіе Печскаго монастыря, находящагося на территории Рашко-Призренской епархіи, непосредственно патриарху и т. д. Такимъ образомъ появленіе Русской церкви въ границахъ юрисдикціи церкви Сербской не было какимъ то единственнымъ исключеніемъ. Не было оно и какимъ либо посягательствомъ на права церкви Сербской, но, подобно Кипрской церкви на территории церкви Константинопольской, было вызвано политическими обстоятельствами и произведено съ дозволенія самой Сербской церкви, которая сумѣла правильно оцѣнить положеніе и глубоко понять смыслъ канонѡвъ. Это глубокое пониманіе прекрасно выражено, напр., въ отвѣтѣ верховнаго органа Сербской церкви — Св. архіерейскаго собора Константинопольскому патриарху отъ 9, XII, 1924 г. (А С Бр. 41/110). Здѣсь мы читаемъ:

„Св. архіерейскій соборъ, какъ верховная власть въ области автокефальной соединенной Сербской церкви, когда на своемъ засѣданіи отъ 18/31 августа 1921 г. (№ Арх. соб. 31), по прошенію Высокопреосвященнаго Господина Антонія Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, далъ согласіе на то, чтобы на территории его области для осуществленія церковнаго управленія надъ русскими колоніями и бѣженцами было организовано Высшее церковное управленіе изъ русскихъ архіереевъ, выполнилъ, какъ онъ съ духовнымъ удовлетвореніемъ можетъ констатировать, свой апостольскій долгъ, принявъ такимъ образомъ временно подъ свое покровительство русскихъ бѣженцевъ, которые въ силу обстоятельствъ оказались въ его духовной области, съ разрѣшенія государственной власти, и соизволивъ, чтобы ими

¹⁾ См. Проф. В. В. Болотовъ, Лекціи по исторіи древней церкви, Спб., 1913, т. III, стр. 336—338 и Н. Gelzer, Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum, München, 1901.

духовно управляли ихъ священники и архіереи, которые всего лучше знаютъ ихъ духовныя потребности и церковную освященные обычаи, а по своему основанному на канонахъ праву устраивать въ области своей автокефаліи церковную власть по своему свободному рѣшенію“.

Но если сама Сербская церковь не видитъ никакого посягательства на ея права въ существованіи на одной съ ней территоріи церкви Русской, то тѣмъ болѣе не можетъ государство мотивировать этимъ отказъ въ признаніи Русской церкви. Въ противномъ случаѣ оно оказалось бы *plus royaliste, que le roi même*.

Въ Югославіи уже существуютъ не разграниченныя територіально двѣ признанныя государствомъ національныя церкви одного и того же лютеранскаго исповѣданія — Нѣмецкая и Словацкая. На томъ же основаніи здѣсь могутъ существовать и двѣ признанныя православныя національныя церкви — Сербская и Русская. Уже самое наименованіе Сербской церкви, имѣющее національный характеръ, предполагаетъ эту возможность, такъ какъ православіе не замыкается границами одной какой нибудь національности, но охватываетъ всѣ національности. „Православная (Сербская) церковь не универсальная, какъ католическая, — справедливо пишетъ проф. Пржиць въ своей докторской диссертации „Защита меньшинствъ“¹⁾, и вполне допустимо, чтобы въ одной православной странѣ существовали церкви другой православной автономной организациі, напр., Русскія церкви у насъ, Сербское подворье въ Москвѣ, сербская православная церковь въ Константинополѣ и т. п.“.

Такимъ образомъ, если конституціонное право Югославіи благопріятствуетъ признанію здѣсь Русской церкви, а право международное даже требуетъ этого признанія, то и право каноническое, во всякомъ случаѣ, этому признанію не препятствуетъ.

2. Мы видѣли, какое правовое положеніе должна бы занимать Русская православная церковь въ Югославіи. Посмотримъ теперь, какое положеніе занимаетъ она на самомъ дѣлѣ. Трудно и даже невозможно охарактеризовать это положеніе какимъ нибудь юридическимъ терминомъ, ибо какого либо устойчиваго, опредѣленнаго и яснаго правового положенія Русская церковь въ Югославіи вообще не занимаетъ, а ея фактическое положеніе, опредѣляясь двумя мотивами противоположнаго характера, подобно маятнику, качается то въ одну, то въ другую сторону. Съ одной стороны, основная директива конституціоннаго и международнаго права относительно признанія закономъ полезныхъ для го-

¹⁾ Др. Илија Пржиць, *Защита маѣина*, Београд, 1933, стр. 226.

сударства и общества религиозныхъ организаций въ отноше-
 нии Русской церкви до сихъ поръ невыполнена. Никакого
 государственнаго закона о Русской церкви не существуетъ,
 и потому она совершенно лишена легальной базы въ обла-
 сти публичнаго права и могла бы разсматриваться лишь
 какъ частное общество, не имѣющее права издавать какіе
 либо служебные акты, ни обезпеченнаго закономъ права на
 физическую или матеріальную помощь со стороны государ-
 ства. Съ другой стороны, тождественность ученія Русской
 церкви съ ученіемъ уже признанной церкви Сербской, со-
 чувствіе тяжелому положенію русскихъ бѣженцевъ со сто-
 роны представителей Сербской церкви и Югославянскаго го-
 сударства часто заставляеть ихъ покидать почву *iuris stricti*
 и удѣлять нѣкоторую часть правъ, которыми пользуется
 церковь Сербская. Какой изъ этихъ двухъ мотивовъ по-
 бѣдитъ въ данномъ случаѣ — это зависитъ отъ личныхъ
 симпатій, личныхъ воззрѣній власть имѣющихъ и случай-
 ныхъ обстоятельствъ. Эта неустойчивость положенія Рус-
 ской церкви проявилась въ частности а) въ положеніи ея
 органовъ, б) ея служителей, в) въ ея брачной юрисдикціи и
 г) въ ея имущественныхъ правахъ.

а) Въ первое время существованія Русской церкви въ
 Югославіи государственная власть ее какъ бы игнорировала
 и фактически она заняла положеніе какъ бы нѣкотораго фи-
 лиала церкви Сербской. Сербская церковь опредѣлила и ея
 права; это было сдѣлано постановленіемъ Св. архіерейскаго
 собора Сербской церкви отъ 31, VIII, 1921 года. Постанове-
 ніе такъ формулировано въ соборныхъ актахъ (№ 31):

Св. Архіерейскій соборъ согласенъ принять подъ свою
 защиту русское Высшее церковное управленіе, въ компетен-
 цію котораго входятъ слѣдующіе предметы:

1) Юрисдикція надъ русскимъ священствомъ внѣ наше-
 го государства и тѣмъ русскимъ священствомъ въ нашемъ
 государствѣ, которое не находится ни на приходской, ни на
 государственно-просвѣтительной службѣ, какъ и надъ воен-
 нымъ священствомъ въ русской арміи, которое не находится
 на сербской церковной службѣ.

2) Бракоразводныя дѣла русскихъ бѣженцевъ¹⁾.

¹⁾ „Св. Архіерейски сабор вољан је да прими под своју зашти-
 ту руску Врховну црквену управу, у делокруг које би спадале ове
 ствари:

1. Јурисдикција над руским свештенством ван наше државе и
 оним руским свештенством у нашој држави, које није у парохијској
 и државно-просветној служби, као и над војним свештенством у ру-
 ској армији које није у српској црквеној служби.

2. Бракоразводни спорови руских избеглица“.

Въ официальномъ органѣ Русскаго Синода въ Сремскихъ
 Карловцахъ „Церковныя Вѣдомости“ отъ 14, I, 1922, № 2, стр. 8—9

Это постановление, лежащее въ основѣ всей дѣятельности Русской церкви въ Югославіи, принято, повидимому, наскоро, и имѣетъ существенные пробѣлы. Оно упоминаетъ лишь о Высшемъ Русскомъ церковномъ управленіи, но ничего не говоритъ объ управленіи епархіальномъ и приходскомъ. Вопросъ о епархіальномъ управленіи не рѣшенъ и до сихъ поръ, такъ что существующій при „Управляющемъ русскими церковными общинами въ Королевствѣ Югославіи“ Епископскій Совѣтъ не имѣетъ для себя никакого основанія ни въ постановленіяхъ югославянской гражданской власти, ни въ постановленіяхъ Сербской церкви.

Впрочемъ 30, X, 1923 Патріархъ Димитрій запросилъ Митр. Антонія, на какомъ основаніи существуетъ Совѣтъ. Митр. Антоній отвѣтилъ 16 ноября того же года, что Совѣтъ существуетъ въ качествѣ вспомогательнаго учрежденія при Высшемъ Церковномъ управленіи. На этомъ дѣло и окончилось.

Иначе обстоятъ дѣло съ приходскими организаціями. Еще 7, II, 1921 г., т. е. до упомянутаго постановленія Сербскаго Собора, въ Бѣлградѣ было основано „Общество попеченія о духовныхъ нуждахъ православныхъ русскихъ въ Королевствѣ Сербовъ, Хорватовъ и Словенцевъ“. 15, III, 1921 г. патріархъ Димитрій письменно подтвердилъ своимъ благословеніемъ уставъ общества, а 12, IV того же года Министръ исповѣданій Миливой Ювановичъ своимъ декретомъ (№ 3387) одобрилъ этотъ Уставъ въ такой формѣ:

„На основаніи члена 4 Положенія о временномъ устройствѣ Министерства Исповѣданій Королевства Сербовъ, Хорватовъ и Словенцевъ одобряю этотъ уставъ“.

Въ этомъ 4 членѣ, на который сослался Министръ, между прочимъ говорится:

„Министръ исповѣданій есть тотъ объединяющій и контрольный органъ, который обезпечиваетъ послѣдовательное проведеніе основного начала равноправности всѣхъ закономъ признанныхъ исповѣданій въ Королевствѣ личнымъ управленіемъ и одинаковымъ примѣненіемъ существующихъ положеній во всѣхъ отдѣленіяхъ и вѣтвяхъ своего министерства“.

это постановление напечатано въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, причѣмъ о юрисдикціи Русскаго Высшаго церковнаго управленія надъ русскимъ священствомъ внѣ Югославіи не упоминается:

„Признать за Высшимъ Русскимъ церковнымъ управленіемъ юрисдикцію въ предѣлахъ Сербіи (sic!) 1) надъ русскими священниками, которые не состоятъ на сербской приходской и государственной службѣ, и надъ военными священниками Русской Арміи и 2) по бракоразводнымъ дѣламъ русскихъ бѣженцевъ“.

Безъ упоминанія о русскомъ духовенствѣ внѣ Югославіи постановление это было сообщено Русскому Высшему ц. управленію Патріархомъ Димитріемъ.

Отсюда видно, что Министръ считалъ и Русскую церковь, какъ имѣющую тождественное ученіе съ церковью Сербской, уже признанной и равноправной съ Сербской церковью и на этомъ основаніи одобрилъ Уставъ Общества пооченія.

Такимъ образомъ, Уставъ этотъ, являющійся, въ сущности, приходскимъ уставомъ, подтвержденъ какъ церковной, такъ и административной и свѣтской властью. Однако его правовое значеніе ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что 10, VI, 1923 онъ былъ существенно измѣненъ и дополненъ на общемъ собраніи Общества, а его новый текстъ, повидимому, не подтвержденъ свѣтской властью. На немъ имѣется лишь слѣдующая приписка:

„Уставъ сей опредѣленіемъ Архіерейскаго Синода Русской церкви за границей отъ 24, VII, 1923, согласно постановленію Св. Синода Сербской православной церкви отъ 10/23, VIII того же года за № 1563/822, утверждёнъ“.

Впрочемъ, въ февралѣ 1929 года Уставъ этотъ въ исправленномъ и дополненномъ видѣ былъ посланъ по требованію власти въ „Управу града Београда“ для регистраціи (въ связи съ отмѣной Видовданской конституціи) и не встрѣтилъ тамъ возраженій.

б) Неустойчиво правовое положеніе и служащихъ Русской церкви въ Югославіи. Въ вопросы, касающіеся ихъ назначенія на должность, ни власть Сербской церкви, ни свѣтская власть не вмѣшиваются. Единственное извѣстное намъ исключеніе, — это опредѣленіе Сербскаго Собора отъ 22, V, 1937 г. (№ 49), которое гласитъ:

„Принять къ свѣдѣнію, что опредѣленіемъ Св. Архіерейскаго собора Русской православной церкви за границей Предсѣдателемъ Св. Архіерейскаго Собора, вмѣсто блаженнопочившаго Митрополита Антонія, выбранъ Митрополитъ Господинъ Анастасій и что Его Святѣйшество Патріархъ Варнава одобрилъ это избраніе и проситъ Св. Архіерейскій Синодъ освѣдомить объ этомъ Св. Архіерейскій Соборъ и Югославянское правительство. Письмомъ Предсѣдателя Правительства г. д-ра Милана Стоядиновича отъ 4, XI, 1936, № 26387 сообщается, что онъ усвоилъ это избраніе“¹⁾.

Общого постановленія, приравнивающаго служителей

¹⁾ „Узети на знање да је одлуком Светог Архијерејског Сабора Руске православне Цркве у иностранству изабран за Претседника Светог Архијерејског Сабора на место блаженопочившег Митрополита Антонија Митрополит Господин Анастасије и да је Његова Светост Наш Патријарх Варнава одобрио овај избор и моли Свети Арх. Синод да изволи са овим упознати Свети Арх. Сабор као и Југословенску владу. Писмом Претседника владе г. др. Милана Стојадиновића саопштава се од 4 новембра 1936 год. бр. 26387 да је он усвоји овај избор“.

Русской церкви къ служащимъ признанныхъ религіозныхъ организацій, нѣтъ. Между тѣмъ въ послѣдніе годы Министерства Юстиціи и Путей Сообщенія приравниваютъ духовенство, подчиненное Русскому Синоду, къ духовнымъ лицамъ признанныхъ исповѣданій и даютъ имъ право ѣздить по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ и на казенныхъ пароходахъ за половинную цѣну. Министерство Юстиціи мотивируетъ эту привилегію тѣмъ, что эти лица назначены на должность по постановленіямъ Православной церкви для исполненія публичныхъ священническихъ обязанностей въ Русской православной церкви (см. напр., постановление Министерства № 12277/II, 1935 г.).

Такимъ образомъ, священнослужители Русской церкви въ этомъ отношеніи поставлены въ одинаковое положеніе со священнослужителями церкви Сербской. Но въ то же время служащіе въ русскихъ церковныхъ учрежденіяхъ — въ Св. Синодѣ, въ Епископскомъ Совѣтѣ — этой привилегіи не имѣютъ, тогда какъ служащіе въ учрежденіяхъ Сербской церкви этой привилегіей пользуются („Служб. Нов.“ 1938, бр. 4—III, стр. 83, т. 3 и 6). А въ послѣднее время власти стали отказывать въ этой привилегіи и русскимъ священнослужителямъ.

в) Еще большая неустойчивость проявляется въ брачной юрисдикціи. Мы видѣли, что постановленіе Сербскаго Собора отъ 31, VIII, 1921 г. оставляетъ въ компетенціи русской церковной власти бракоразводные процессы русскихъ бѣженцевъ. Это слишкомъ краткое постановленіе возбудило цѣлый рядъ недоумѣній, какъ со стороны своего содержанія, такъ и со стороны своей правомочности. Тогда какъ русская церковная власть поняла это постановленіе въ широкомъ смыслѣ оставленія въ ея компетенціи всего брачнаго и даже семейнаго права, касающагося православныхъ бѣженцевъ изъ Россіи, и стала не только вѣнчать, разводитъ и признавать недѣйствительность чисто русскихъ и смѣшанныхъ браковъ, но даже дѣлать постановленія объ усыновленіи¹⁾ и о перемѣнѣ фамиліи²⁾, Сербская церковная власть внесла здѣсь нѣсколько ограниченій. Не возражая противъ права Русской церкви вѣнчать браки и признавать ихъ недѣйствительность, хотя постановленіе 1921 г. объ этомъ не говорило, Сербская церковь сузила компетенцію Русской церкви въ персональномъ отношеніи. Она исключила изъ компетенціи Русской церкви всѣ браки, гдѣ хотя одна сторона не подходила подъ понятіе „русскій бѣже-

¹⁾ Опредѣленіе Арх. Синода Русской Церкви отъ 29, IX—12, X, 1922, Церк. Вѣд. 1922, № 16 и 17, стр. 4.

²⁾ Опредѣленіе В. Ц. управленія отъ 25, II—10, III, Ц. Вѣд. 1922, № 10—11, стр. 13—14 и др.

нецъ“, а это понятіе было истолковано въ смыслѣ лица, покинувшаго Россію, но не принявшаго югославянскаго подданства. Въ официальномъ органѣ Русскаго Синода „Церковныя Вѣдомости“ читаемъ:

„По поводу постановленія Сербскаго Архіерейскаго Синода по вопросу о совершеніи русскими священниками браковъ въ русскихъ колоніяхъ.

Архіерейскій Синодъ Русской Православной Церкви за границей слушали: помѣщенное въ журналѣ „Гласникъ“ отъ 15/28 января с. г. № 2 опредѣленіе Архіерейскаго Синода Сербской Православной Церкви отъ 1/14 декабря 1923 г. за № 2169, слѣдующаго содержанія:

„Министерство Вѣроисповѣданій актомъ № В. 11425/23 г. доставило Св. Синоду актъ Королевскаго Суда въ Бѣлой Церкви, въ которомъ онъ запрашиваетъ свѣдѣнія и разъясненія: должно ли по каноническимъ правиламъ Сербской Православной Церкви бракъ, заключенный передъ русскимъ священникомъ, притомъ между нашимъ подданнымъ и русской подданной, считать законнымъ или нѣтъ, и влечетъ ли за собой незаконность такого брака отвѣтственность священника, который благословилъ этотъ бракъ?

Сербскій Архіерейскій Синодъ, разсмотрѣвъ весь вопросъ, постановилъ: русскіе священники изъ бѣженцевъ не состоящіе на службѣ въ нашей Церкви, а поставленные русскими церковными властями въ качествѣ священниковъ въ отдѣльныхъ колоніяхъ русскихъ бѣженцевъ, могутъ вѣнчать и совершать другія таинства только для русскихъ бѣженцевъ. Если же бракъ заключается съ нашимъ подданнымъ, надлежитъ обращаться только къ сербскому священнику. Священники, которые не будутъ руководствоваться этимъ распоряженіемъ, будутъ отвѣтственны по канонамъ и правиламъ нашей Православной Церкви“.

Принявъ означенное опредѣленіе Сербскаго Архіерейскаго Синода къ свѣдѣнію, объявить черезъ напечатаніе въ журналѣ „Церковныя Вѣдомости“ духовенству русскихъ колоній въ Королевствѣ С.Х.С. къ неуклонному исполненію и сообщить указомъ Епископскому Совѣту при Управляющемъ русскими православными общинами въ Королевствѣ С.Х.С. для руководства“.

(„Церк. Вѣдомости“, 1924 г., № 9 и 10, стр. 2. Сербскій текстъ постановленія: „Гласникъ“, 1924, стр. 19—20).

Точно также запрещено Русскому Церковному суду принимать къ разсмотрѣнію брачныя дѣла, если хотя одна сторона имѣетъ югославянское подданство, хотя бы самъ бракъ и былъ заключенъ священникомъ русской юрисдикціи. До 1938 г. бывали случаи, когда Сербская церковная власть, по ходатайству Русской церкви, допускала исклю-

ченія изъ этихъ запрещеній, но въ настоящее время никакихъ исключеній отсюда не допускается. Въ этомъ смыслѣ высказался и Св. Архіерейскій Соборъ Сербской церкви въ маѣ 1939 года.

Это воззрѣніе Сербской церкви усвоила и свѣтская власть. Напр. въ актѣ Министра юстиціи Б. Максимовича отъ 1, III, 1934, (№ 19830) читаемъ:

„Служебные религіозные акты русскихъ церковныхъ служителей терпятъ этимъ опредѣленіемъ Собора (отъ 31, VIII, 1921) только настолько, насколько они простираются на русскихъ бѣженцевъ внѣ службы нашего государства, а какъ только нѣкій русскій бѣженецъ надлежащимъ образомъ поступилъ на нашу государственную службу, таковой, какъ нашъ подданный, не можетъ пользоваться правомъ бѣженскаго убѣжища, но долженъ сообразовать все свои функціи частно-правового характера съ государственными законами“.

Нужно сказать, однако, что здѣсь смѣшиваются два разнородныхъ понятія — понятіе службы и понятіе подданства. Русскій можетъ состоять на государственной службѣ въ Югославіи, и не имѣя югославянскаго подданства, въ качествѣ контрактурального или хонорарнаго служащаго, и наоборотъ, принявшій югославянское подданство, можетъ не состоять на государственной службѣ.

Если Сербская церковь ограничила смыслъ опредѣленія 1921 года, то свѣтская власть иногда оспариваетъ и самую его законность и дѣйствительность.

Сначала дѣйствительность постановленій русской церковной власти по брачнымъ дѣламъ вызвала сомнѣніе внѣ границъ Югославіи и вслѣдствіе этого Русскій Синодъ черезъ Синодъ Сербскій выхлопоталъ разъясненіе Министра исповѣданій отъ 21, XI, 1924 (ВБр. 21, 395), что „постановленія и рѣшенія по брачнымъ спорамъ русскихъ бѣженцевъ, сдѣланныя Архіерейскимъ Синодомъ Русской заграничной Православной церкви, должны быть подтверждены въ Министерствѣ исповѣданій для ихъ правовой дѣйствительности“¹⁾. Однако, Министръ исповѣданій М. Трифуновичъ въ слѣдующемъ году не только отмѣнилъ это разъясненіе, но своимъ постановленіемъ отъ 25, VII, 1925 г. (ВБр. 6255) призналъ недѣйствительность, какъ самого опредѣленія Сербской церкви 1921 г., такъ и основанныхъ на немъ рѣшеній Русскаго Синода, какъ принятыхъ органомъ, не существующимъ *de jure*.

¹⁾ „Пресуде и решења по брачнимъ споровима рускихъ избеглица, донесене од стране Архіерейског Синода Руске заграничне Православне цркве имају се у Министарству Вера оверавати ради правне важности“.

„Это опредѣленіе, пишетъ Министръ, не распространяетъ компетенцію учрежденія, юридически существующаго на нашей территоріи, а имъ основывается новое учрежденіе, которое по своимъ функціямъ имѣетъ рангъ и должности государственнаго учрежденія въ судебномъ и административномъ отношеніи. Между тѣмъ основаніе государственныхъ учреждений и установленіе судовъ на территоріи нашего Королевства урегулировано чл. 104 и 109 Конституціи¹⁾. Если бы даже предположить, что опредѣленіе это основывается на чл. 238 Закона о церковныхъ властяхъ²⁾, и чл. 10 Положенія о Св. Арх. Соборѣ и Св. Арх. Синодѣ³⁾, то и въ такомъ случаѣ оно недѣйствительно, такъ какъ входитъ въ разрядъ опредѣленій Св. Арх. Собора „внѣшней природы“, каковыя получаютъ дѣйствительность только по одобренію Совѣта Министровъ. Между тѣмъ опредѣленіе эти Министръ исповѣданій и до сихъ поръ не получилъ для необходимыхъ санкцій“. Поэтому Министръ исповѣданій требуетъ, чтобы это опредѣленіе было ему доставлено для нужныхъ формальностей, „если только необходимо, чтобы на территоріи Югославіи было правильно основано такое судебно-административное учрежденіе“.

24, X, 1924, Министръ, ссылаясь на изложенное постановленіе, снова требуетъ отъ Сербскаго Синода, чтобы этотъ вопросъ былъ урегулированъ, такъ какъ заинтересованныя стороны постоянно посылаютъ прошенія Министерству исповѣданій, требуя защиты отъ незаконныхъ рѣшеній Русскаго Синода, который юридически не существуетъ на территоріи Королевства.

Сербскій Синодъ въ началѣ 1927 г. отвѣтилъ (№ 753) краткимъ актомъ, что русскій судъ можетъ разводить браки русскихъ бѣженцевъ на томъ же основаніи, на которомъ сербскіе духовные суды разводили браки сербовъ на островѣ Корфу.

Однако новый Министръ исповѣданій (Обрадовичъ) не былъ удовлетворенъ этимъ отвѣтомъ и своимъ актомъ отъ

¹⁾ чл. 104: „Државна се надлештва устанављавају према прописима закона“.

чл. 109: „...Судови и судске надлежности могу се установити само законом“.

²⁾ Здѣсь разумѣется Законъ 1890 г., въ которомъ чл. 238 гласитъ: „Одлуке Архиерејског Сабора спољне природе постају извршне, кад их одобри Министарски савет, на предлог Министра просвете и црквенихъ послова“.

³⁾ „Уредба“ отъ 13, XII, 1920, въ которой чл. 10 гласитъ: „Све одлуке Арх. Сабора и Арх. Синода канонско-црквене природе, које се односе на веру, богослужење, црквени поредакъ и унутрашњу управу цркве, извршне су, а одлуке Арх. Сабора спољне природе извршне су, када их одобри Министарски Савет на предлог Министра Вера“.

14, VII, 1927 года (№ 4186) послалъ этотъ отвѣтъ Министру юстиціи вмѣстѣ со своимъ мнѣніемъ, неблагопріятнымъ для существованія русскаго церковнаго суда. Министръ юстиціи, въ своемъ отвѣтѣ (Пр.Бр. 46690), доказываетъ, что опредѣленіе Архіерейскаго собора отъ 31, VIII, 1921 не можетъ быть одобрено. Рѣшеніе брачнаго дѣла нужно разсматривать, какъ судебную функцію, каковую въ большей части Югославіи выполняютъ установленные закономъ Духовные суды по предписанному закономъ процессу. Новые духовные суды могутъ быть установлены только закономъ. Это ясно слѣдуетъ изъ чл. 104 и 109 Видовданской Конституціи. Никакимъ рѣшеніемъ административной власти въ государствѣ нельзя установить новый судъ, ни дать судебныя права какой либо власти. Такой судъ на территоріи нашего государства не можетъ быть основанъ и для иностранцевъ, такъ какъ они черезъ это сдѣлались бы въ нѣкоторомъ отношеніи экстерриториальными, чего по нашимъ законамъ быть не можетъ.

Ссылаясь на это мнѣніе Министра юстиціи, Министръ исповѣданій, актомъ отъ 20, X, 1927 г. (В. Бр. 11065) заявилъ, что на территоріи Югославіи онъ не будетъ признавать дѣйствительность актовъ Русскаго Синода, касающихся суда и администраціи. Вслѣдствіе этого Сербскій Соборъ вынужденъ былъ снова разсмотрѣть вопросъ и на своемъ засѣданіи 6, XII, 1927 г. опредѣлилъ:

„По канонамъ Св. православной церкви, когда православная іерархія со своей паствой, вслѣдствіе гоненія, въ положеніи бѣженцевъ переходитъ въ область другой самостоятельной церкви, она имѣетъ право на самостоятельное устройство и управленіе. Поэтому такое право нужно признать и за Русскою церковною іерархіей въ области Сербской церкви, конечно подъ защитой и надзоромъ церкви Сербской. Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли и какимъ путемъ признать русскому іерархическому управленію право благословенія браковъ и право суда въ отношеніи брачныхъ дѣлъ съ послѣдствіями, которыя бы были дѣйствительны и въ гражданско-правовой области, — просить разсмотрѣть и рѣшить Св. Архіерейскій Синодъ по договору съ Русскимъ Синодомъ и въ согласіи съ Правительствомъ Королевства“.

Но еще прежде, чѣмъ Сербскій Св. Синодъ выполнялъ это собранное порученіе, Министръ юстиціи, по поводу дѣла о разводѣ супруговъ Бринкъ, обратился 21, X, 1930 къ Сербскому Св. Синоду съ запросомъ (№ 97876/XII), легализованъ ли Русскій Синодъ и какіе и когда шаги были предприняты въ этомъ направленіи. Сербскій Синодъ послалъ запросъ на отзывъ Синоду Русскому и 7, V, 1931 Митр. Антоній отвѣтилъ (актъ № 455), что вопросъ о легализаціи Русскаго Си-

нода не поднимался въ правительственныхъ учрежденіяхъ въ виду того, что почившій Патр. Димитрій полагалъ, что въ этомъ нѣтъ надобности, такъ какъ для Русскаго Синода достаточно признанія его Сербскимъ Соборомъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ Митр. Антоній писалъ, что если бы такая легализація потребовалась, Русскій Синодъ только бы привѣтствовалъ ее и немедленно предпринять бы нужные шаги.

Съ этими, изложенными въ письмѣ, мнѣніями согласиться никакъ нельзя. Какъ Русская, такъ и Сербская церкви суть части единой Вселенской Православной Церкви и потому не признавать другъ друга онѣ не могутъ уже на основаніи 9 члена Символа вѣры, такъ что никакого акта признанія Русской церкви со стороны Сербской церкви не требовалось. Никакъ не можетъ такое признаніе замѣнить признаніе со стороны государства. Государственная Конституція (чл. 11) гласитъ: „вѣре могутъ быть признаны только закономъ“, а по той же Конституціи (чл. 26; ср. чл. 64—66) законы можетъ издавать только Народное Представительство вмѣстѣ съ Королевской властью, а никакъ не церковь.

Трудно согласиться и съ мнѣніемъ Митр. Антонія о легализаціи. Онъ пишетъ: „если бы такая легализація потребовалась“. Но вѣдь легализація больше всего и прежде всего нужна самой Русской церкви, а никому-либо другому и потому ея Высшее управленіе само должно было поднять предъ государственной властью вопросъ о легализаціи, на что государственная Конституція даетъ ему полное право (чл. 14 въ связи съ чл. 11).

И, дѣйствительно, Сербскій Синодъ, получивъ письмо Митр. Антонія, и на этотъ разъ не поднялъ вопроса о легализаціи Русской церкви, а ограничился лишь новымъ подтвержденіемъ (актъ отъ 26, V, 1931, № 1197/607) дѣйствительности рѣшеній Русскаго церковнаго суда по бракоразводнымъ дѣламъ и сообщилъ этотъ актъ Министерству юстиціи, которое приняло его къ свѣдѣнію. Однако, такъ какъ актъ этотъ и теперь не получилъ базы въ законѣ, то и теперь рѣшенія Русскаго церковнаго суда по брачнымъ дѣламъ то признаются югославянскою государственной властью, то не признаются. Напр. актъ Министерства юстиціи отъ 4, VI, 1931, № 65022 признаетъ разводы въ Русскомъ церковномъ судѣ дѣйствительными, но актъ Министерства иностранныхъ дѣлъ отъ 9, II, 1937, посланный французскому посольству въ Бѣлградѣ, обходя вопросъ о дѣйствительности такихъ разводовъ съ точки зрѣнія государственныхъ законовъ, говоритъ лишь:

„Разводы браковъ, произведенные Русскимъ Синодомъ за границей, дѣйствительны съ точки зрѣнія канон-

новъ Православной Сербской церкви согласно опредѣленію этой церкви отъ 26/13 мая 1931 г. Син. № 1197/607“.

„Les divorces prononcés par le Synode de l'église Orthodoxe Russe a l'étranger sont valables du point de vue des canons de l'église Orthodoxe Serbe conformément a la décision de cette église du 26/13 mai 1931, Syn. № 1197/607“.

А новѣйшій актъ Министерства юстиціи отъ 28, IX, 1938/№ 99135 П 2920 уже expressis verbis отрицаетъ значеніе рѣшеній Русскаго церковнаго суда по брачнымъ дѣламъ для государственной власти. Здѣсь мы читаемъ:

„Увѣдомить просительницу, что ей не можетъ быть выдана диспенсация изъ § 113 Закона XXXI/1894 г., такъ какъ Русскому Епископскому совѣту со стороны государственнаго форума не признано право юрисдикціи и потому и рѣшенія его по брачнымъ дѣламъ не имѣютъ правовой силы предъ государственными властями, а только предъ властями духовными“...

Какими опасными послѣдствіями для семейной жизни супруговъ и для правового положенія ихъ потомства грозитъ такая неустойчивость въ отношеніи государственной власти къ рѣшеніямъ Русскаго церковнаго суда по брачнымъ дѣламъ, говорить излишне.

Такъ какъ въ Югославіи проживаетъ лишь незначительная часть русскихъ бѣженцевъ и такъ какъ Русскій Св. Синодъ въ Югославіи является апелляціонной инстанціей для всѣхъ заграничныхъ русскихъ (кромѣ подчиненныхъ м. Евлогію), для русскихъ бѣженцевъ важно отношеніе къ рѣшеніямъ Русскаго церковнаго суда въ Югославіи не только югославянской власти, но и власти другихъ государствъ. Въ большинствѣ случаевъ препятствій къ признанію этихъ рѣшеній не встрѣчается, но въ нѣкоторыхъ государствахъ, напр. во Франціи, вообще несочувственно относящейся къ церковной юрисдикціи въ брачныхъ дѣлахъ, рѣшенія русскаго церковнаго суда нуждаются въ предварительной санкціи со стороны югославянской власти. Выданное русскимъ Синодомъ свидѣтельство о разводѣ посылается въ Сербскую Патріархію, гдѣ Патріархъ или уполномоченное имъ лицо пишетъ на свидѣтельствѣ:

„На основаніи опредѣленія Св. Арх. Собора Сербской православной церкви АС № 31/1921 г. автентичность печати и подписи Архіерейскаго Синода Русской православной церкви за границей на этомъ актѣ удостовѣряю“. Слѣдуютъ подписи и печать. Затѣмъ свидѣтельство посылается Министерству юстиціи, которое удостовѣряетъ подписи и печать Сербской Патріархіи. Наконецъ, актъ посылается Министерству иностранныхъ дѣлъ, которое переводитъ актъ и удостовѣряетъ правильность перевода и подлинность печати и подписи Министерства юстиціи.

г) Нецризаніе Русской церкви государствомъ неблагопріятно отражается и на ея матеріальномъ положеніи. Всѣ признанныя религіозныя организаціи въ Югославіи, какъ христіанскія, каковыхъ насчитывается 6 (православная, католическая, 3 протестантскихъ и старо-католическая), такъ и не-христіанскія (мусульманская и 3 еврейскихъ) имѣютъ большое движимое и недвижимое имущество и получаютъ значительную ежегодную помощь на содержаніе администраціи по бюджету Министерства юстиціи и помощь на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній — по бюджету Министерства просвѣщенія.

Напр., по послѣднему бюджету 1939/40 г.г. Сербская церковь получила 68,700,000 дин., Католическая — 35,181,900 дин., протестантскія — 1,444,000 д., Старо-католическая — 504,891 д., мусульманская организація — 19,049,387 дин., и еврейскія — 1,131,220 д.

Русская православная заграничная церковь, сама по себѣ крайне бѣдная и имѣющая широкія задачи, такъ какъ ея развѣтвленія простираются по всему міру, никакихъ пособій отъ государства не получаетъ. А между тѣмъ, если бы она была признана государствомъ, она, согласно установленному въ Конституціи критерию, имѣла бы право на значительную годичную помощь, такъ какъ вчетверо меньшая церковь Старо-католическая, какъ мы видѣли, получаетъ болѣе половины милліона.

Помимо помощи отъ государства, признанныя религіозныя организаціи имѣютъ право на обложеніе своихъ членовъ налогами и таксами, при чемъ право это даетъ гораздо большія средства, чѣмъ государственная помощь. Напр., въ Сербской церкви одинъ, такъ называемый „патріаршіи прирезъ“ по бюджету 1939/40 г. опредѣленъ въ 75 милліоновъ динаръ (Финанс. законъ, § 32)¹⁾. Кроме того, существуютъ налоги — епархіальный и церковно-общинскій и такса за официальные церковные акты, дающая Сербской церкви 4 милліона въ годъ.

Между тѣмъ Русская православная церковь не только не имѣетъ права облагать православныхъ русскихъ людей какимъ бы то ни было принудительнымъ церковнымъ налогомъ, но въ значительной мѣрѣ лишена возможности получить отъ нихъ средства и другимъ путемъ, такъ какъ въ общемъ плохо обезпеченные русскіе бѣженцы вынуждены теперь платить налогъ въ пользу Сербской церкви.

Начиная съ 1, IV, 1931 г. на основаніи чл. 10 Закона о Сербской Православной церкви въ Сербской Патріархіи

¹⁾ „Уредба о постоянной государственной помощи Сербской прав. церкви“ отъ 7, VI, 1939 („Сл. Нов.“ од 28, VI, 1939, бр. 138—XLVII, стр. 716) уменьшаетъ эту цифру до 60 милліоновъ.

быть введенъ патриаршій налогъ въ размѣрѣ 10% государственнаго прямого налога, а кромѣ того въ большинствѣ епархій и въ нѣкоторыхъ церковныхъ общинахъ были введены и епархіальные и церковно-общиннаго налога въ размѣрѣ отъ 1 до 20% прямого государственнаго налога. Въ связи съ этимъ и возникъ вопросъ, должны ли платить эти налоги и православные русскіе? Вопросъ этотъ Министерство финансовъ рѣшило своимъ постановленіемъ отъ 26, V, 1936 (отдѣленіе налоговъ, № 31074) благоприятно для русскихъ. Постановленіе это гласитъ:

„10% патриаршій налогъ долженъ взиматься отъ плательщиковъ налога восточно-православной вѣры, принадлежащихъ къ Сербской православной церкви. Поэтому налогъ этотъ не слѣдуетъ взимать съ православныхъ румынъ, организованныхъ въ свои особыя церковныя общины на территоріи Дунайской бановины, такъ какъ, хотя они и исповѣдуютъ православную вѣру, однако не принадлежатъ къ Сербской православной церкви, а имѣютъ свою церковную автономию, регулированную спеціальной конвенціей между нашимъ Королевствомъ и Королевствомъ Румыніи. Точно также этотъ налогъ не нужно взимать и отъ русскихъ бѣженцевъ православной вѣры, такъ какъ они имѣютъ свою особую юрисдикцію -- Русскій Св. Синодъ въ Сремскихъ Карловцахъ“ (Финансијски Зборник 1936, стр. 329).

Это постановленіе, вполнѣ согласное и съ естественной справедливостью и съ текстомъ Конституціи, которая предписываетъ въ вопросѣ о содержаніи религіозныхъ организацій принимать во вниманіе только численность „ихъ членовъ“ („нихове верне“), было, однако, вскорѣ измѣнено. 20, VIII, 1936 Св. Синодъ Сербской Церкви издалъ слѣдующее „объясненіе“:

„Св. Архіерейскій Синодъ, актомъ № 3956 Зан. 918 отъ 20 августа 1936 г. въ связи съ пересланными ему актами Министерства юстиціи № 44021 отъ 12, V, 1936 г. и № 49483 отъ 25, V, 1936 г. по вопросу о взиманіи 10% патриаршаго налога отъ русскихъ бѣженцевъ сообщаетъ:

1) русскіе, принявшіе наше подданство и находящіеся у насъ на государственной или на церковной автономной службѣ или имѣющіе самостоятельный заработокъ, должны платить 10% патриаршій налогъ;

2) русскіе бѣженцы, которые не приняли наше подданство, а находятся на вышеупомянутой службѣ или имѣютъ самостоятельный заработокъ, не платятъ 10% патриаршій налогъ, и

3) тѣ русскіе, которые не имѣютъ своего организованнаго прихода со своимъ священникомъ, а ихъ религіозныя нужды удовлетворяетъ приходскій священникъ нашей церк-

ви, такъ какъ по смыслу чл. 23 Устава Сербской Православной церкви принадлежатъ къ тому православному приходу, въ которомъ проживаютъ шесть недѣль, и по опредѣленію Св. архіерейскаго Собора АС № 4/30 отъ 1935 г. имѣютъ и избирательное право, должны платить 10% патр. налога“.

Это объясненіе было послано Министерству юстиціи которое его 15, IX, 1936, безъ всякихъ измѣненій, усвоило (постановленіе № 88579/XII) и послало Министерству финансовъ, а это Министерство разослало его 8, X, 1936, какъ свое постановленіе (№ 65789), подчиненнымъ ему органамъ „къ свѣдѣнію и точному исполненію“ (Финанс. Сборникъ отъ 29, X, 1936, № 44, стр. 550). На основаніи этого „объясненія“ почти всѣ православныя русскіе люди платятъ теперь въ пользу Сербской церкви патриаршій, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кромѣ того еще и епархіальный и церковно-общинскій налоги.

Правильность такого объясненія вызываетъ большое сомнѣніе. Объясненіе отбрасываетъ единственно примѣнимый въ данномъ случаѣ критерій — принадлежность къ Сербской церкви и усваиваетъ другіе критеріи — подданство и пользованіе услугами сербскаго священника. Ни тотъ, ни другой критерій въ данномъ случаѣ непримѣнимы.

Церковныя налоги являются дополнительными налогами къ государственному прямому налогу, а этотъ налогъ совершенно не связанъ съ подданствомъ. Налогъ этотъ по „Закону о прямыхъ налогахъ“ (чл. 2 и 40) платятъ совершенно одинаково, какъ подданные, такъ и иностранцы. Отсюда слѣдуетъ, что если русскіе, имѣя свою религіозную организацію, должны платить налоги въ пользу Сербской церкви, налоги эти должны платить всѣ русскіе, какъ имѣющіе подданство, такъ и неимѣющіе. А если неимѣющіе подданства не должны его платить, то не должны его платить и имѣющіе подданство. Ошибочность толкованія Св. Синода особенно ясна изъ того, что румыны, также имѣющіе югославянское подданство, освобождены отъ налоговъ въ пользу Сербской церкви, и при томъ освобождены не только Министерствомъ финансовъ, но и самой Сербской церковью. Постановленіе ея Патриаршаго Одбора отъ 2, X, 1936 № 11517/421 гласитъ:

„Тѣ православныя румыны въ Банатѣ, которые являются членами Румынской православной церкви, освобождены отъ уплаты 10% патриаршаго налога“ („Гласникъ“ 1937, № 16 и 17, стр. 544).

Нельзя согласиться и съ мотивацией обложенія тѣхъ русскихъ, которые не имѣютъ подданства, а пользуются услугами сербскаго священника. Первый мотивъ — чл. 23 Устава Сербской церкви, по которому „всякій православный

христiанинъ принадлежитъ, какъ членъ, къ тому приходу, въ которомъ онъ живетъ не менѣе шести недѣль". Но, вѣдь, Уставъ Сербской церкви обязателенъ только для членовъ этой церкви и совершенно не касается членовъ другихъ православныхъ церквей, а потому подлѣ православными здѣсь можно разумѣть кромѣ членовъ Сербской церкви лишь тѣхъ православныхъ, которые своей церковью въ Югославіи не имѣютъ. Иначе Уставъ сталъ бы въ противорѣчіе съ директивой Конституціи, по которой „призванныя религіозныя организаціи регулируютъ свои внутреннія религіозныя дѣла“, а вопросъ о правахъ членовъ другой церкви, конечно, къ такимъ дѣламъ причисленъ быть не можетъ. Кромѣ того принадлежность къ приходу по правиламъ Сербской церкви (опредѣленіе Арх. собора отъ 2, XII, 1928, № 27/52) даетъ лишь одно право — право на совершеніе требъ для члена прихода приходскимъ священникомъ, а вовсе не дѣлаетъ православнаго членомъ Сербской церкви, для чего нуженъ рядъ другихъ условий. Не имѣютъ приходы и права обложенія, которое принадлежитъ лишь церковнымъ общинамъ, епархіямъ и самой Патріархіи. Между тѣмъ членъ прихода не есть еще *eo ipso* и членъ церковной общины, а слѣдовательно не есть членъ епархіи и Патріархіи. Совершенно ошибочна и ссылка на опредѣленіе Архіерейскаго собора № 4/30 отъ 1935 г., которое, будто бы, даетъ избирательныя активныя права въ церковныхъ общинахъ и русскимъ, не имѣющимъ подданства. На самомъ дѣлѣ подлинный текстъ опредѣленія, какъ онъ помѣщенъ въ Соборныхъ актахъ, даетъ избирательное право въ общинахъ исключительно сербамъ и ни слова не говоритъ о русскихъ. Правовое положеніе немѣющихъ подданства русскихъ въ церковныхъ общинахъ опредѣлено въ § 6 такъ называемой „Спроведбеной наредбы“, дополняющей Уставъ Сербской церкви, по которому членами церковной общины могутъ быть лишь члены гражданской общины, а по дѣйствующему Закону объ общинахъ отъ 14, III, 1933 г. и по Закону о городскихъ общинахъ отъ 22, VII, 1934, членами гражданскихъ общинъ могутъ быть лишь югославянскіе подданные. Отсюда слѣдуетъ, что русскіе, не имѣющіе подданства, не могутъ быть и членами церковныхъ сербскихъ общинъ¹⁾, не могутъ имѣть въ нихъ избирательнаго права и слѣдовательно не должны ни въ какомъ случаѣ платить налоги въ пользу Сербской церкви. Допустимъ даже, что опредѣленіе Собора дало избирательное право русскимъ въ церковныхъ общинахъ. Но это вовсе

¹⁾Что лица, не имѣющія подданства, не могутъ быть членами общинъ Сербской церкви, объ этомъ существуетъ и специальное указаніе Сербскаго Архіерейскаго Собора отъ 25/12. V, 1935, № АС 20 (Зап. 3).

не значило бы, что они должны этимъ правомъ пользоваться и взять на себя связанныя съ нимъ обязанности. Только въ томъ случаѣ, если бы они добровольно вписались въ число членовъ сербской церковной общины предусмотрѣннымъ въ „Справедливой наредбѣ“ довольно сложнымъ способомъ, они бы были обязаны платить патриаршіи налоги. Не можетъ же одна церковь въ государствѣ, гдѣ существуетъ свобода вѣры и совѣсти, перечислять въ свой составъ членовъ другой церкви безъ ихъ на то согласія.

Болѣе благоприятно для Русской церкви было улаженъ вопросъ о гербовомъ сборѣ съ актовъ, выдаваемыхъ русскими церковными учреждениями. На основаніи чл. 12 Закона о Сербской православной церкви церковь эта получила право на гербовой сборъ съ актовъ, выдаваемыхъ ея учреждениями, что дастъ ей нѣсколько милліоновъ въ годъ. 1, VIII, 1933 г. Русскій Синодъ (актомъ № 3056) запросилъ Синодъ Сербскій, какія марки должны быть на актахъ, выдаваемыхъ русскими церковными учреждениями — государственныя, или церковныя. 30, VIII, 1933 г. Сербскій Синодъ отвѣтилъ актомъ за подписью м. Иосифа (№ 9009/Зап. 1915), что предписанія относительно марокъ на официальныхъ актахъ Сербской церкви относятся и къ церкви Русской. Противъ этого рѣшенія Русскій Синодъ послалъ 28, XI, 1933 г. протестъ (№ 3376) патриарху Варнавѣ, гдѣ указывалъ, что Русская церковь не получаетъ на содержаніе своихъ органовъ управленія никакой денежной помощи со стороны и существуетъ на добровольные сборы и на таксы, и если бы предписанія Синода выполнить, то оказалось бы, что русскіе бѣженцы должны бы были платить двойную таксу. Вопросъ былъ разрѣшенъ почти черезъ два года — 16, IX, 1935 г. — Соборомъ Сербской церкви (АС 24/42) въ томъ смыслѣ, что члены Русской церкви, если они не имѣютъ югославянскаго подданства и не обращаются къ сербской церковной власти, освобождаются отъ сербской церковной таксы. Но въ тѣхъ дѣлахъ, по которымъ они обращаются къ сербскимъ церковнымъ властямъ, таксу они платятъ.

Такимъ образомъ и здѣсь Сербская церковь исходитъ изъ презумпціи, что русскіе, принявъ югославянское подданство, eo ipso становятся членами Сербской церкви.

Что касается освобожденія Русской церкви отъ государственныхъ налоговъ, то и здѣсь нѣтъ послѣдовательности. Съ одной стороны, зданіе Русской церкви отъ прямого налога, т. наз. „кучарине“, освобождено, съ другой стороны русскія церковныя учрежденія не освобождаются отъ тѣхъ почтовыхъ расходовъ, отъ которыхъ освобождены всѣ признанныя вѣроисповѣданія.

3. Таково фактическое положеніе Русской церкви въ

Югославіи. Видимъ, что оно совершенно не соотвѣтствуетъ директивамъ государственной Конституціи и международнаго права. Какъ непризнанная государствомъ, она не имѣетъ ни равноправія съ признанными религіозными организаціями, ни публично-правового положенія, ни права на матеріальную помощь со стороны государства. Тѣ публичныя права, которыя ей иногда признаются въ области брачной юрисдикціи, не имѣя для себя законной базы, всецѣло зависятъ отъ административнаго усмотрѣнія, и всегда могутъ быть взяты обратно, такъ какъ прецеденты въ административномъ правѣ не имѣютъ обязательнаго значенія. Не отвѣчая основнымъ законамъ государства и будучи поэтому съ юридической точки зрѣнія нѣкоторой аномаліей, положеніе это и практически неизбѣжно ведетъ Русскую церковь въ Югославію къ тому *exitus letalis*, къ исчезновенію, противъ котораго борется всякій жизнеспособный физическій и правовой организмъ. Не считаясь съ возможными политическими измѣненіями, какъ стоящими внѣ правовой области, — должно сказать, что *rebus sic stantibus* Русская церковь въ Югославіи, если не будетъ признана государствомъ, неизбѣжно должна исчезнуть въ теченіе двухъ-трехъ десятилѣтій. Мы уже видѣли, что югославянскія, какъ церковныя, такъ и гражданскія власти во всѣхъ своихъ постановленіяхъ о Русской церкви исходятъ изъ того положенія, что къ этой церкви могутъ принадлежать лишь лица, не получившія югославянскаго подданства. Но контингентъ такихъ лицъ довольно быстро уменьшается, такъ какъ съ каждымъ годомъ труднѣе и труднѣе становится найти службу или заработокъ безъ подданства¹⁾. Убѣдительно иллюстраціей служить бракоразводная статистика Русскаго Епископскаго Совѣта въ Бѣлградѣ. Число брачныхъ споровъ, рѣшаемыхъ въ этомъ судѣ, уменьшается съ каждымъ годомъ. Напр. въ 1927 году этимъ судомъ было рѣшено 117 брачныхъ

¹⁾ Уменьшается число русскихъ, не имѣющихъ югословянскаго подданства и вѣдѣтвія браковъ русскихъ женщинъ съ югословянскими подданными, такъ какъ, по дѣйствующему въ Югославіи „Закону о државѣланству“ отъ 21, X, 1928 („Служб. Нов.“ отъ 1, XI, 1928, № 254—LXXXIV, стр. 1280) жена получаетъ подданство мужа (§ 10). По мнѣнію нѣкоторыхъ югословянскихъ юристовъ и родившіяся въ Югославіи дѣти русскихъ бѣженцевъ должны бы имѣть югословянское подданство уже въ силу рожденія на югословянской территоріи (*ius soli*) даже и въ томъ случаѣ, когда родители его не имѣютъ, такъ какъ по § 9 „Закона о државѣланству“ „дете роѣно... од родителя, којих државѣланство остаје непознато, сматра се до противног доказа државѣланством ове Краљевине“, а русскіе бѣженцы лишены русскаго подданства декретомъ Совѣтской власти отъ 21, X, 1921, дополненнымъ декретомъ отъ 29, X, 1924 г. Однако югословянское Министерство внутреннихъ дѣлъ, не признавая совѣтскихъ декретовъ, таковыхъ дѣтей югословянскими подданными не считаетъ.

дѣлъ, а въ 1938 году — только 48. Къ сожалѣнію, такое уменьшеніе никакъ нельзя объяснить повышеніемъ семейной морали и уменьшеніемъ числа разводовъ среди русскаго населенія въ Югославіи, а приходится объяснять тѣмъ, что принавишіе югославянское подданство русскіе принудительно поставлены виѣ судебной компетенціи своей церкви и вынуждены обращаться въ сербскіе церковные суды.

Исчезновеніе грозитъ не только паствѣ, но и пастырямъ. Русская церковь въ Югославіи, являющаяся административнымъ центромъ для православныхъ русскихъ всего міра, кромѣ, конечно, совѣтской Россіи, не имѣетъ семинари, т. е. разсадника будущихъ пастырей, а контингентъ старыхъ русскихъ пастырей уменьшается еще быстрее, чѣмъ самихъ пасомыхъ.

Практическій выводъ отсюда тотъ, что если нельзя примириться съ ликвидаціей Русской церкви въ близкомъ будущемъ и не закрывать глаза на быстро надвигающуюся опасность, то должно поднять вопросъ о признаніи закономъ Русской церкви въ Югославіи.

Образцомъ для такого закона долженъ послужить дѣйствующій Законъ о Сербской православной церкви, въ которомъ нужно сдѣлать лишь нѣкоторыя измѣненія, диктуемые особенностями положенія Русской церкви за границей. А технически такой законъ могъ бы быть легко проведенъ безъ обсуждения его въ Народной Скупщинѣ и въ Сенатѣ по примѣру новаго закона о Исламской религіозной организаціи путемъ полномочія Правительству въ такъ называемомъ Финансовомъ законѣ.

Врядъ ли можно предположить, что Югославія, гдѣ уже существуетъ одна православная церковь, могла отказать въ признаніи другой православной церкви. Вѣдь Православная Русская церковь закономъ отъ 25, II, 1938 г. признана даже въ Германіи¹⁾, — въ государствѣ, гдѣ Православная церковь до того времени юридически вообще не существовала и гдѣ отношеніе между Правительствомъ и религіозными организаціями далеко ненормальны.

Повидимому, однимъ изъ препятствій признанія Русской церкви служитъ венгерскій законъ (№ XLIII) 1895 г. „О свободѣ исповѣданій“²⁾ и нынѣ дѣйствующій по принципу континитета въ части Югославіи, принадлежавшей прежде Венгріи — въ Воеводинѣ. Второй отдѣлъ этаго закона

¹⁾ См. „Церковная Жизнь“, 1938 г. № 7, стр. 102—103. Признана Русская церковь и въ Бельгіи декретомъ отъ 5, VI, 1937. № 11138 (Moniteur belge, 1937, стр. 3441).

²⁾ Сербскій переводъ этаго закона можно найти, напр., въ книгѣ: Д-р Коста Бурић, Ручна књига државнихъ матичара, Велики Бечкерек, 1924, стр. 46—57.

(§§ 7—21). „О вѣроисповѣданіяхъ, которыя будутъ усвоенны“ — содержитъ нѣсколько положеній, какъ будто, неблагоприятныхъ для признанія Русской церкви. Такъ по § 7, п. 2, „граждане, которые хотѣли бы образовать усвоенное закономъ исповѣданіе, обязаны представить на одобреніе Министра исповѣданій организационный статутъ, содержащій все предписанія относительно религіозной жизни“, но по § 8 (п. 3 б и 4 а)“ Министръ можетъ отказать въ одобреніи статута, если догматы, ученіе, богослуженіе и остальные религіозные акты или предложенная организація... будутъ тождественны съ однимъ изъ уже признанныхъ или усвоенныхъ исповѣданій или отъ нихъ будутъ различаться только въ языкѣ богослуженія или церковной администраціи¹⁾, или „если бы наименованіе вѣроисповѣданія, которое желаютъ образовать, будетъ имѣть племенной или этнической характеръ“.

Было бы, однако, совершенно ошибочно видѣть въ этомъ законѣ препятствіе для признанія Русской церкви. Прежде всего самый этотъ законъ дѣйствителенъ лишь на территоріи Воеводины, и потому сослаться на него можно бы было лишь въ томъ случаѣ, если бы вопросъ шелъ о признаніи Русской церкви въ Воеводинѣ, а не въ Югославіи. Да и въ Воеводинѣ онъ дѣйствителенъ лишь постольку, поскольку не противорѣчитъ директивамъ югословинской Конституціи, каковыя, какъ мы видѣли, благоприятны признацію Русской церкви государствомъ. Кромѣ того законъ лишь разрѣшаетъ Министру не давать въ такихъ случаяхъ одобренія, но вовсе не запрещаетъ ему дать такое одобреніе, если онъ находитъ это нужнымъ. А наконецъ, что главное, изложенныя предписанія закона никакъ нельзя отнести къ Русской церкви. Предписанія эти направлены противъ опасности сектантскаго дробленія уже признанныхъ государствомъ исповѣданій путемъ основанія новыхъ и при томъ малыхъ организацій, напр. состоящихъ изъ одной лишь общины (§ 7 п. 1). Существующая уже нѣсколько столѣтій и болѣе многочисленная, чѣмъ все остальные православная церковь, взятыя вмѣстѣ, Русская церковь, конечно, здѣсь разумѣться не можетъ. Нельзя о ней сказать и того, что она отличается отъ Сербской церкви только языкомъ своей администраціи, такъ какъ существуетъ значительное различіе и въ самой организаціи обѣихъ церквей, напр. Русская церковь не знаетъ дѣленія церковной власти на іерархическую

¹⁾ Австрійскій законъ отъ 20-V 1874 (R. G. Bl. № 68), дѣйствующій въ областяхъ, присоединенныхъ къ Югославіи отъ Австріи, требуетъ лишь, чтобы новооснованныя религіозныя организаціи въ чемъ либо отличались отъ уже признанныхъ (Hussarek, Grundriss d Staatskirchenrechts, Leipzig, 1899, S. 8).

и самоуправную, не имѣть отличныхъ отъ приходовъ церковныхъ общинъ и т. д. и во всякомъ случаѣ между Русской и Сербской церковью существуетъ гораздо большее различіе, чѣмъ то, которое существовало при изданіи закона между Сербской Карловацкой церковью и Румынской Сибинской, о самостоятельности которыхъ говоритъ § 6 упомянутаго закона. И наименованіе Русской православной церкви имѣть этнической характеръ не въ большей мѣрѣ, чѣмъ наименованія этихъ церквей.

Противъ признанія Русской церкви, однако, можетъ быть сдѣлано возраженіе чисто принципиальнаго характера. Несомнѣнно, признаніе это будетъ имѣть благопріятныя послѣдствія относительно ея матеріальнаго и правового положенія въ государствѣ. Но когда вопросъ идетъ о церкви, для которой на первомъ мѣстѣ должны всегда стоять высшія духовныя цѣнности, таковыя мотивы рѣшающаго значенія имѣть не могутъ. И вотъ возникаетъ сомнѣніе — слѣдуетъ ли Русской церкви жертвовать за будущія матеріальныя и правовыя блага той свободой и независимостью, которой она пользуется въ настоящее время?

Однако, сколь не увлекательна мысль о полной церковной свободѣ, не нужно поддаваться соблазну, который увлекаетъ столько христіанскихъ сектъ и который совершенно не отвѣчаетъ вѣковымъ традиціямъ православія, всегда стремившагося не къ отдѣленію отъ государства, а къ общему согласію съ нимъ дѣйствованію, къ „симфоніи“ съ государствомъ. Съ тѣхъ поръ какъ сказано „и онъ будетъ господствовать надъ тобою“ (Быт. 3, 16), мірская власть, какъ богоучрежденное начало, всегда будетъ существовать въ грѣшномъ человѣчествѣ и земная церковь всегда будетъ чувствовать потребность въ союзѣ съ государствомъ для совместной борьбы съ міровымъ зломъ. Свобода церкви необходима, но защищается эта свобода не отдѣленіемъ отъ государства, а личнымъ подвигомъ членовъ церкви и прежде всего ея іерарховъ.

Переходя на конкретную почву, нужно сказать, что легализація Русской церкви, поскольку ея права будутъ тогда обезпечены самой государственной Конституціей, дастъ ей даже болѣшую свободу и независимость, чѣмъ она имѣетъ въ настоящее время, когда она все же должна подчиняться государственнымъ законамъ, а ея права всецѣло зависятъ отъ измѣнчиваго благоволенія носителей государственной власти.

Такимъ образомъ признаніе Русской церкви государствомъ не только не грозитъ церковной свободѣ, но даже ставитъ эту свободу на болѣе прочную базу закона.